

VII

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ *).

Вопросъ о государственной власти такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о собственности, что, говоря, о послѣдней, мы были вынуждены говорить и о развитіи первой. Теперь мы не будемъ возвращаться къ этому, а ограничимся разборомъ современной намъ формы власти — той, которая основана на всеобщемъ избирательномъ правѣ и законѣ большинства.

Мы уже видѣли, что легенда о божественномъ происхожденіи собственности и власти исчезла, и что буржуазіи пришлось искать для нихъ другое, болѣе прочное основаніе. Она сама содѣйствовала уничтоженію «божественнаго права», сама помогала борьбѣ противъ права сильного; на мѣсто его она постаралась, прежде всего, поставить силу денегъ, въ формѣ извѣстнаго ценза для права выбора въ палату, т. е. такого порядка, при которомъ избирателями могли быть только люди, платившіе извѣстную сумму налоговъ. Позже стали говорить о томъ, чтобы присоединить къ этимъ избирателямъ еще и людей «способнѣйшихъ». Это было требованіе разорившейся части буржуазіи. Но все это не могло долго тянуться: разъ только государственная власть становилась предметомъ обсуждения, она уже теряла часть своей силы; тѣ, которые раньше не участвовали въ выборѣ правителей, начинали также требовать права голоса въ этомъ вопросѣ.

Буржуазія боялась народа и не соглашалась ни на какія уступки; власть была въ ея рукахъ и ей хотѣлось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщаго избирательнаго права, рабочимъ пришлось прибѣгнуть къ революціи. Но тѣ буржуа, которымъ они при этомъ дали въ руки власть, прежде всего послѣшили урѣзать по возможности приобретенныя народомъ права, съ цѣлью какъ-нибудь обуздать это чудовище, которое, какъ имъ казалось, вотъ-вотъ поглотитъ ихъ. Лишь долгое время спустя, лишь увидавъ на практикѣ, какъ функционируетъ это новое право, они поняли, что оно не грозитъ никакой опасностью ихъ привилегированному положенію, что оно — не больше какъ инструментъ, на которомъ нужно только умѣть играть, и что этотъ знаменитый органъ рабочихъ требованій, который рабочіе

*) Въ этой главѣ авторъ разбираетъ, главнымъ образомъ, ту форму правленія, которая существуетъ во Франціи; но очевидно, что если его аргументы вѣрны по отношенію къ этой, одной изъ наиболѣе демократическихъ формъ, то они тѣмъ болѣе приложимы къ другимъ. Прим. пер.

уже считали своимъ достояніемъ (вѣдь они купили его цѣною своей крови!), есть въ сущности лишь усовершенствованное орудіе господства, поработщающее людей, которые имъ пользуются, въ то время какъ сами они, наоборотъ, думаютъ, что освобождаются.

Что такое въ самомъ дѣлѣ всеобщее избирательное право, какъ не право управляемаго выбирать того человѣка, который будетъ имъ управлять, право выбирать ту розгу, которая будетъ его сѣчь? Избиратель свободенъ... въ выборѣ себѣ господина, но онъ не имѣетъ права не хотѣть никакого господина, потому что иначе имъ будетъ править тотъ, кого выберутъ его сосѣди. Въ тотъ моментъ, когда онъ опустилъ въ урну свой избирательный бюллетень, онъ подписалъ свое отреченіе: онъ долженъ теперь подчиняться всѣмъ капризамъ избранныхъ имъ правителей; они будутъ создавать законы, будутъ прилагать ихъ къ нему, а если онъ будетъ противиться — посадятъ его въ тюрьму.

Мы не имѣемъ намѣренія ни критиковать здѣсь систему всеобщаго избирательнаго права, ни разсматривать всѣ тѣ поправки, которыя стремятся въ нее внести съ цѣлью заставить выборныхъ исполнять свои обѣщанія и такимъ образомъ оградить избирателя отъ ихъ капризовъ и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы насъ слишкомъ далеко, да кромѣ того и не имѣло бы для насъ значенія, потому что хотимъ показать, что ни власти большинства, ни власти «божественнаго права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кромѣ своей собственной волн. Кромѣ того, если мы разберемъ механизмъ правленія большинства, то увидимъ, что нами въ сущности управляетъ даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятое изъ состава другого меньшинства, которое, въ свою очередь, есть опять-таки меньшинство всей управляемой массы.

Во-первыхъ, права принимать участіе въ голосованіи лишены, совершенно произвольно, женщины и дѣти, которыя, однако, подчиняются законамъ, какъ и всѣ. Если, кромѣ того, мы вычтемъ всѣхъ тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ не пользуется этимъ «правомъ», то у насъ останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способнымъ выбирать правителей для всѣхъ.

Во-вторыхъ, когда происходятъ выборы, то теоретически

вопросъ о томъ или другомъ избранномъ долженъ зависѣть отъ рѣшенія большинства; на практикѣ же всегда бываетъ нѣсколь-ко — шесть, восемь, десять и иногда и больше—кандидатовъ, и голоса избирателей распредѣляются между ними, не говоря уже о тѣхъ избирателяхъ, которые, не находя среди толпы кандида-товъ представителя своего мнѣнія, подаютъ голосъ въ противо-рѣчii сами съ собою. Такимъ образомъ, избранный является здѣсь представителемъ опять-таки меньшинства, уже второго.

Въ-третьихъ, когда избранные соберутся вмѣстѣ, то теоре-тически, вопросы должны точно также рѣшаться среди нихъ большинствомъ, но на практикѣ и здѣсь мнѣнія дробятся на множество группъ и подраздѣлений и, въ результатѣ, рѣшающей голосъ остается за маленькими кучками честолюбцевъ, которые держатся по серединѣ между крайними мнѣніями и отдаютъ свои голоса то тѣмъ, то другимъ, смотря по тому, что для нихъ оказывается болѣе выгоднымъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, къ какимъ скромнымъ размѣ-рамъ сводится пресловутое всемогущество избирателя; замѣ-тимъ при этомъ, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопросъ и предположили, что каждый поступаетъ чест-но и послѣдовательно. Если же мы примемъ въ расчетъ всеъ свя-занные съ этимъ интриги, обманы, личные расчеты, если мы вспомнимъ, что прежде чѣмъ стать окончательными, проекты за-коновъ должны пройти черезъ другое законодательное собраніе — Сенатъ, избираемый другою категоріею избирателей, если мы подумаемъ о томъ, что въ Палатѣ находится пятьсотъ съ лиш-нимъ депутатовъ, а каждый избиратель выбираетъ только одного, такъ что его воля представляетъ не болѣе, какъ одну пятисотую общей воли, да и то Сенатъ можетъ ее еще сократить,—то мы увидимъ, что участіе каждаго въ управленіи такъ ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имѣетъ еще и другія вредныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что оно ведетъ къ царству ничтожества и посредственности. Мы сейчасъ это докажемъ.

Всякая новая идея, идущая впередъ своего времени, уже по этому одному имѣетъ за себя вначалѣ только меньшинство. Ши-рокихъ умовъ, способныхъ ее воспринять и стать ея защитника-ми, бываетъ очень немного. Это—общезвѣстная истина, изъ которой прямо слѣдуетъ, что дѣйствительно развитые и обладаю-

щіе широкою умомъ люди всегда бывають въ меньшинствѣ. Большинство же стоитъ за среднія, общепринятія идеи и выбираетъ того депутата, который, именно съ цѣлью быть избраннымъ старается не идти наперекоръ предразсудкамъ и привычнымъ взглядамъ избирателей. Чтобы сгруппировать вокругъ себя какъ можно больше лицъ, ему нужно, наоборотъ, сгладить нѣкоторые острые углы и приготовить цѣлый запасъ общихъ мѣстъ для разговоровъ съ тѣми, чьихъ голосовъ онъ добивается. Чтобы не испугать ихъ, ему придется показаться еще глупѣе, чѣмъ они, и чѣмъ онъ будетъ безцвѣтнѣе, ничтожнѣе и посредственнѣе, тѣмъ больше будетъ у него вѣроятности быть избраннымъ.

Посмотрите на то, какъ идетъ жизнь всевозможныхъ обществъ — комитетовъ, профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, обществъ взаимопомощи, различныхъ обществъ художниковъ, литераторовъ и т. под.: въ ихъ іерархической организаціи, основанной на избраніи, всѣ должности оказываются занятыми наиболѣе посредственными личностями — такими, которыя стоять ниже другихъ, по своему тщеславію, желанію выдвинуться и стать извѣстными или создать себѣ положеніе на счетъ другихъ, по своей большей или меньшей склонности къ интригамъ. Всякій независимый умъ, стремящійся только къ осуществленію своего идеала, всегда будетъ неприятно поражать тѣхъ многочисленныхъ людей, которые слѣдуютъ только рутинѣ, и всегда такіе люди будутъ его травить. Тому, кто ищетъ правды и стремится къ ея распространенію, некогда унизаться до мелкихъ закулисныхъ интригъ, и его всегда побьетъ въ избирательной борьбѣ тотъ, кто не имѣетъ за душою ничего своего, живетъ общепринятыми идеями и поэтому очень легко можетъ сгладить различные острые углы (которыхъ у него, впрочемъ, и нѣтъ), такъ, чтобы не вооружать противъ себя никого. Чѣмъ больше мы будемъ стремиться удовлетворить всѣхъ, тѣмъ ниже долженъ быть уровень нашихъ идей. тѣмъ полнѣе должны мы будемъ отбросить все новое и оригинальное. тѣмъ наши мысли будутъ ничтожнѣе, блѣднѣе и посредственнѣе. Вотъ къ чему сводится вся избирательная система; это — ничто иное, какъ натянутая ослиная шкура, издающая звукъ только тогда, когда ее хотя бы заставитъ звучать.

Къ несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критикѣ, что ее уже осуждаютъ и осмѣивають, самый принципъ еще крѣпко держится въ нашихъ нравахъ. Люди такъ привыкли,

чтобы ими руководили, что имъ кажется, что они пропадутъ, если только не будетъ никого, кто бы велъ ихъ на помочахъ. Они такъ привыкли встрѣчать во всѣхъ случаяхъ жизни жандарма, мэра, надоедливыхъ и грубыхъ чиновниковъ, липсы фizioноміи полицейскаго и судьи, что приспособились въ концѣ концовъ къ этому отвратительному общенію и стали думать, что все это — учрежденія, конечно, непріятныя, которыя при случаѣ недурно какъ-нибудь надуть, но обойтись безъ нихъ нечего и думать, потому что тогда человѣчество сразу погибло бы. Странное противорѣчіе человѣческаго ума! Люди съ неудовольствіемъ переносятъ эту власть, насмѣхаются надъ ней, стараются гдѣ возможно обмануть ее — и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ себя погибшими, какъ только рѣчь заходитъ объ ея уничтоженіи! Все, должно быть, зависитъ отъ привычки.

Это тѣмъ болѣе нелогично, скажемъ больше, тѣмъ болѣе бессмысленно, что для каждаго отдѣльнаго человѣка идеаль хорошаго правительства, это — такое правительство, которое бы онъ всегда могъ прогнать, если только оно помѣшаетъ ему дѣлать что онъ хочетъ. И вотъ для того-то, чтобы поддѣлаться подъ этотъ идеаль, буржуазія и выдумала такъ называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики такъ популярна среди рабочихъ, если, несмотря на столько разочарованій, они всетаки смотрятъ на всеобщее избирательное право какъ на орудіе своего освобожденія, то это происходитъ отъ того, что имъ внушили, что, замѣнивъ однихъ людей, стоящихъ у власти, другими, они смогутъ замѣнить угнетающую насъ систему эксплуатаціи другимъ общественнымъ строемъ, который дастъ всѣмъ довольство и счастье. Это — глубокая ошибка — ошибка, благодаря которой разнымъ интриганамъ удастся увлечь рабочихъ на путь достиженія якобы реформъ, которыя несколько не могутъ измѣнить ихъ положенія, а только приучаютъ ихъ ждть всего отъ перемѣнъ въ составѣ лицъ того, созданнаго для нашего угнетенія, механизма, который называется Государствомъ. Эта ошибка повела къ тому, что во всѣхъ революціяхъ различные интриганы обращали въ свою пользу побѣду народа, занимали синекуры прежнихъ правителей, снесенныхъ революціонной бурей, и образовывали новый слой эксплуататоровъ, съ новыми интересамъ, которые, разъ утвердившись, заставляли замолчать и подчинить-

ся тѣхъ самыхъ наивныхъ людей, которые имѣли глупость предоставить имъ власть.

Сколько въ человѣческомъ умѣ гнѣздится противорѣчій! Когда мы разсуждаемъ съ людьми болѣе или менѣе разумными, то они часто готовы бывають согласиться съ тѣмъ, что «если бы всѣ люди вели себя какъ слѣдуетъ, то не было бы надобности въ правительствѣ; мы сами, пожалуй, обошлись бы и безъ него. Но, къ несчастью, не всѣ люди таковы: нашлись бы такіе, которые захотѣли бы злоупотребить своей силой для угнетенія другихъ, жить на ихъ счетъ и ничего не дѣлать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы ихъ образумить». Другими словами, это значить, что, взятые всѣ вмѣстѣ, люди слишкомъ дурны, чтобы сумѣть между собою столкнуться, но что взятые въ отдѣльности, или кучками, они сумѣють управлять другими; поэтому нужно поскорѣе облечь ихъ властью, которая дала бы имъ возможность заставить себѣ повиноваться. Бѣдная логика! Чего только не дѣлаетъ съ тобою человѣческой умъ!

Какъ будто бы люди, правящіе другими, не будутъ всегда-пока только они будутъ существовать — во враждѣ съ управляемыми! Какъ будто бы у людей, стоящихъ у власти, даже если они искренни, не будетъ своихъ собственныхъ взглядовъ, которые они будутъ стараться провести въ жизнь! Эти взгляды могутъ быть хорошими, но могутъ быть и дурными. Если бы они растворились въ массѣ, они остались бы безъ вліянія, но если въ рукахъ ихъ сторонниковъ находится власть, они будутъ силою навязаны тѣмъ, кто съ ними не согласенъ. И чѣмъ искреннѣе будутъ стоящіе у власти люди, тѣмъ безжалостнѣе они будутъ по отношенію къ своимъ противникамъ, потому что они будутъ убѣждены, что работаютъ на пользу человѣчества.

Мы уже видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, что наше политическое рабство зависитъ отъ нашего экономическаго положенія; если у насъ существуютъ жандармы, судьи, министры и т. п., то это отъ того, что у насъ есть банкиры, собственники и т. д., — одно неразрывно связано съ другимъ. Если намъ удастся свергнуть тѣхъ, кто эксплуатируетъ насъ въ мастерской, если мы избавимся отъ тѣхъ, кто моритъ насъ голодомъ, то не будетъ надобности въ силѣ, которая бы ихъ защищала, и существованіе этой силы станетъ совершенно безцѣльнымъ.

Въ настоящее время нужно правительство, нужны законы, нужны депутаты, которые бы ихъ излагали. судьи, которые бы

ихъ примѣняли, полиція, которая бы заботилась объ исполненіи рѣшеній судей, потому что люди, захватившіе себѣ все, нуждаются въ силѣ, чтобы защищаться противъ требованій тѣхъ, кого они ограбили. Но рабочій, что ему защищать? На что ему вся правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счетъ и не приносящая ему никакой пользы, кромѣ развѣ того, что она напоминаетъ ему, что у него есть всего одно право: умереть съ голоду посреди созданныхъ имъ богатствъ.

Въ мрачные дни народныхъ возстаній, когда обострившаяся нужда заставляетъ рабочія массы выйти на улицу, передъ ними опять-таки встаютъ тѣ же «общественныя» учрежденія и опять-таки загораживають имъ путь къ лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить ихъ и ни въ коемъ случаѣ не создавать новой аристократіи, у которой будетъ всегда только одна цѣль: какъ можно лучше и какъ можно скорѣе воспользоваться жизнью на счетъ своихъ «облагодѣтельствованныхъ» подданныхъ. Не все ли намъ равно, какая рука насъ бьетъ: мы хотимъ, чтобы насъ больше совсѣмъ не били.

Не будемъ забывать, что какимъ бы именемъ ни прикрывалась новая власть, какія бы поправки въ нее не вносили, какъ бы ни вербовались входяшія въ составъ правительства личности, — всегда будетъ два возможныхъ случая: или ея рѣшенія будутъ имѣть силу закона и будутъ обязательными для всѣхъ—тогда для поддержанія этихъ законовъ ей будутъ нужны всѣ учрежденія, существующія теперь, и тогда нужно отказаться отъ мысли быть свободными; или же личности будутъ имѣть право обсуждать правительственныя рѣшенія, сообразоваться съ ними, если имъ это нравится, и не обращать никакого вниманія на власть, если они этого не хотятъ—тогда мы останемся вполнѣ свободными, но правительство становится бесполезнымъ: оно въ такомъ случаѣ только лишняя помѣха и лишняя угроза. Выводъ изъ этого можетъ быть только одинъ: намъ не нужно никакого правительства.

Глава VIII

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ.

Мы уже видѣли, что власть вытекаетъ изъ того права, которое присваиваетъ себѣ сила. Но по мѣрѣ того, какъ умственный горизонтъ человѣка расширялся, этой власти приходилось оп-